

инструментальную музыку балтов, еще больше объединивших инструментов, например, латышей и эстонцев (волынка), финнов, эстонцев и балтов (скрипка, псалмодикон, цитрообразные канклео-кантеле), часть балтов и белорусов (цимбалы) и т.д. В силу исторических особенностей культурных взаимосвязей западноевропейское влияние в составе инструментария и инструментальной музыки народов Восточной Прибалтики гораздо сильнее и шире, чем восточно-славянское, наиболее четко проявляющееся в юго-восточной Эстонии, восточной Латвии и юго-восточной Литве. Несомненно, что характер инструментария упомянутых районов прямо связан с генезисом всего комплекса культуры их населения.

Насчет древности двух инструментов, общих для балтов и эстонцев, мнения исследователей расходятся: 1) смычковый струнный инструмент в виде лука, с резонатором из свиного пузыря и 2) смычковый I-струнный корытообразный псалмодикон. Некоторые считают эти инструменты из-за примитивности их конструкции очень древними. Однако, при более пристальном изучении в них трудно разглядеть, например, средневековый немецкий бумбас /I/ и шведский псалмодикон XIX века, использовавшийся в Эстонии, Латвии и Литве в районах с лютеранским населением.

По особенностям материальной культуры Восточная Прибалтика выделяется в особую историко-этнографическую область, и комплекс музыкальных инструментов, как ни странно на первый взгляд, подтверждает то же самое, несмотря на все различие народной музыки балтов и эстонцев. Такая связь музыкальных инструментов, являющихся, по сути дела, больше явлениями духовной культуры, с особенностями материальной культуры указанного региона и с этнической историей его населения, не покажется странной, если рассма-

тривать проблему с учетом функции музыкальных инструментов, места и времени их происхождения, особенностей всей народной культуры той или иной группы населения, создавших психологическую восприимчивость к тем или иным чужеземным инструментам.

С.Я.Цимерманис (Рига)

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ОРУДИЙ РЫБОЛОВСТВА НА ДАУГАВЕ

Даугава в течение двух последних тысячелетий протекала по территориям, населенным различными этническими общностями (культуры штрихованной керамики, днепровских балтов и финно-угров во второй половине I тысячел. до н.э. - первой половине I тысячел. н.э.; даугавские ливы, принадлежавшие к прибалтийским финнам, латгалы, селы, земгалы, принадлежавшие к балтам, кривичи и новгородские словены, принадлежавшие к восточным славянам, во второй половине I тысячел. - начале II тысячел.; латыши, русские, белорусы во II тысячелетии). В периоды феодализма и капитализма ливы, латыши, русские, белорусы, проживавшие на берегах Даугавы, соприкасались также с литовцами, поляками, немцами и представителями других этносов. Вдоль Даугавы длительное время происходили сложные этнокультурные процессы. Упомянутые этнические общности, их представители поддерживали между собой более или менее систематические контакты, в результате которых протекал процесс взаимовлияния культур, оставивший след в орудиях и приемах труда. Особый интерес этнографов вызывает участки реки, являвшиеся пограничными зонами этносов.

Рыболовство является одним из древних традиционных видов занятий обитателей берегов Даугавы. Данные о характере, орудиях и приемах лова дают рыболовецкие орудия и их фрагменты, кости рыб, найденные при археологических раскопках, исторические документы, свидетельства авторов XIII-XIX вв., археографические материалы, собранные экспедициями этнографов и лингвистов. В архиве отдела этнографии Института истории АН Латвийской ССР хранятся сведения, записанные в окрестностях Даугавы в 60-ые - 80-ые гг. во всех районах ЛатвССР, в Верхнедвинском, Витебском районах БССР и в Куньинском районе РСФСР. Эти данные относятся ко второй половине XIX в. и XX в.

Совокупность выявленных данных позволяет сделать следующие выводы: 1) традиционные орудия и приемы лова даугавских рыбаков прошли длинный путь исторического развития, нередко сохраняя до XX в. весьма древние названия и конструктивные элементы, 2) в разные периоды времени в приемах лова и комплексе орудий укоренились новые элементы (материалы для изготовления орудий, конструктивные детали, виды и названия орудий), характеризующие процесс развития, 3) в орудиях и приемах труда рыбаков, принадлежащих к разным этносам, а также в соответствующих названиях на всем протяжении Даугавы наблюдаются как многие общие элементы, так и значительные различия, 4) самым существенным показателем этнического происхождения даугавских рыболовецких орудий, а также их этнической принадлежности на определенном отрезке времени являются названия и отдельные конструктивные детали, 5) многие даугавские орудия и приемы лова (плавные сети, заколы, бредни, остроги и др.) имеют аналогию или большую близость с теми орудиями и приемами лова, которые латыши применяли на

Гауе, Венте, Салаце, русские на Волге, эстонцы на Нарве, Пярну, литовцы на Нямунасе и т.п.

Наиболее существенными факторами, определявшими происхождение и развитие орудий и приемов лова на Даугаве, были экологический (русло, берега, течение реки; материалы для изготовления орудий; рыба, обитающая в реке, и особенности ее жизни) и социально-экономический (права рыболовства, значение рыболовства в хозяйственной деятельности населения, связь сезона и мест рыболовства с другими отраслями занятий (сплав, судоходство), возможности реализации уловов, мероприятия по регламентации лова, проведенные владельцами вод и административными органами). Эти факторы определяли форму заколов, возможности их построения из деревянных козел, свай, камней, возможности лова тягловыми, плавными и ставными сетями, бреднями и др. приемами.

Этнический фактор проявлялся в передаче из поколения в поколение орудий, приемов, названий лова известного исторического периода (сохранение традиций) в определенной местности, в творческих поисках рыбаков по улучшению орудий и приемов лова, заимствованию орудий, приемов, названий орудий лова у рыбаков других этносов или другой местности. Последнее связано нередко с миграцией рыбаков (переселение в другую местность на постоянное жительство или на сезонный лов), с попытками владельцев вод и административных органов внедрять орудия и приемы лова других местностей или народов.

По этническим признакам орудий рыболовства Даугава на территории Латвии во второй половине XIX в. и в XX в. разделяется на три зоны: 1) нижнее течение от устья до Айзраукле, где рядом с балтскими еще в середине XX в. существовали финно-угор-

ские элементы (названия верш, деталей заколов и др.), 2) среднее течение от Айзраукле до Ливаны, где рядом с балтскими выявлены отдельные финно-угорские элементы (удельный вес уменьшается в направлении Ливаны) и начинают проявляться славянские признаки (удельный вес увеличивается в направлении Ливаны), 3) верхнее течение от Ливаны до границы БССР, где преобладают орудия, приемы и названия лова, общие с орудиями, приемами и терминами рыболовства, выявленными вдоль Даугавы в территориях Белоруссии и РСФСР (плавные сети, бредни и др.). В обеих последних зонах от Айзраукле до Каплавы выделяются бывшие селонские местности, имеющие общие орудия лова (норота, верши, бредни) с орудиями восточной Литвы.

Ю.М.Юргинис (Вильнюс)

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ БАЛТОВ В ПРИБАЛТИКЕ

Тацит (I век) в своем труде "Германия" эстиями назвал жителей восточного побережья Балтийского моря. По мнению К.Буги (1879-1924) и других лингвистов, это историческое название унаследовали эсты, которых в настоящее время называем эстонцами. Они, как и ливы, ближайшие соседи литовцев и латышей, не являются их родственниками и не принадлежат к индоевропейцам, а сами они родственны финнам и уграм (венграм). Из-за этого, по предложению Г.Нессельмана (1811-1881), эстиев-индоевропейцев, в отличие от эстиев финно-угров, стали называть балтами, не историческим, а литературно-научным термином. Как балтов называли современниками Тацита или последующие античные авторы, стало ис-

следовательской задачей.

Птолемей (II век), сочинивший "Географию" через несколько десятилетий после Тацита, эстиев как этнической единицы не упоминает, хотя говорит о населении той же территории. В его труде много географических названий, среди которых преобладают гидронимы. На предполагаемой территории эстиев он находит судинов, галиндов (голяд) и венедов. Гипотезу, что судины (ятвяги, дайнавы) и галинды - племена балтов, выдвинули историки, а в настоящее время ее подтверждают археологи и лингвисты. О том, какое племя или группа племен называлось венедом (вендами) возник спор, и сложилось мнение, что венеды - предки западных славян.

Спор решался, основываясь на лингвистическом материале (топонимике). При попытках определить территорию венедов по данным Ф.Буяка (1948) оказалось, что они свои поселения имели между Вишлой и Преглем, в Самбии, в Литве, в Курляндии и даже к югу от Западной Двины. Ф.Буяк придерживался мнения, что венеды - славяне, но в топонимике, прежде всего в гидронимах, на которые он опирался, славянский субстрат отсутствует.

Г.Ловмянский в своем капитальном труде "Roszatkі Polakі" (1963/4) выразил мнение, что венеды - индоевропейцы, но они не германцы и не славяне, и что миграции индоевропейцев были две, а не одна. Первая состоялась на рубеже III-II тысячелетия до н.э., в ней приняли участие венеды, а во второй половине II тысячелетия до н.э. прибыли на свои исторические поселения балто-славяне и германцы.

Е.Охманский, основываясь на положениях Ловмянского, подверг критике литовских археологов за то, что они считали балтов